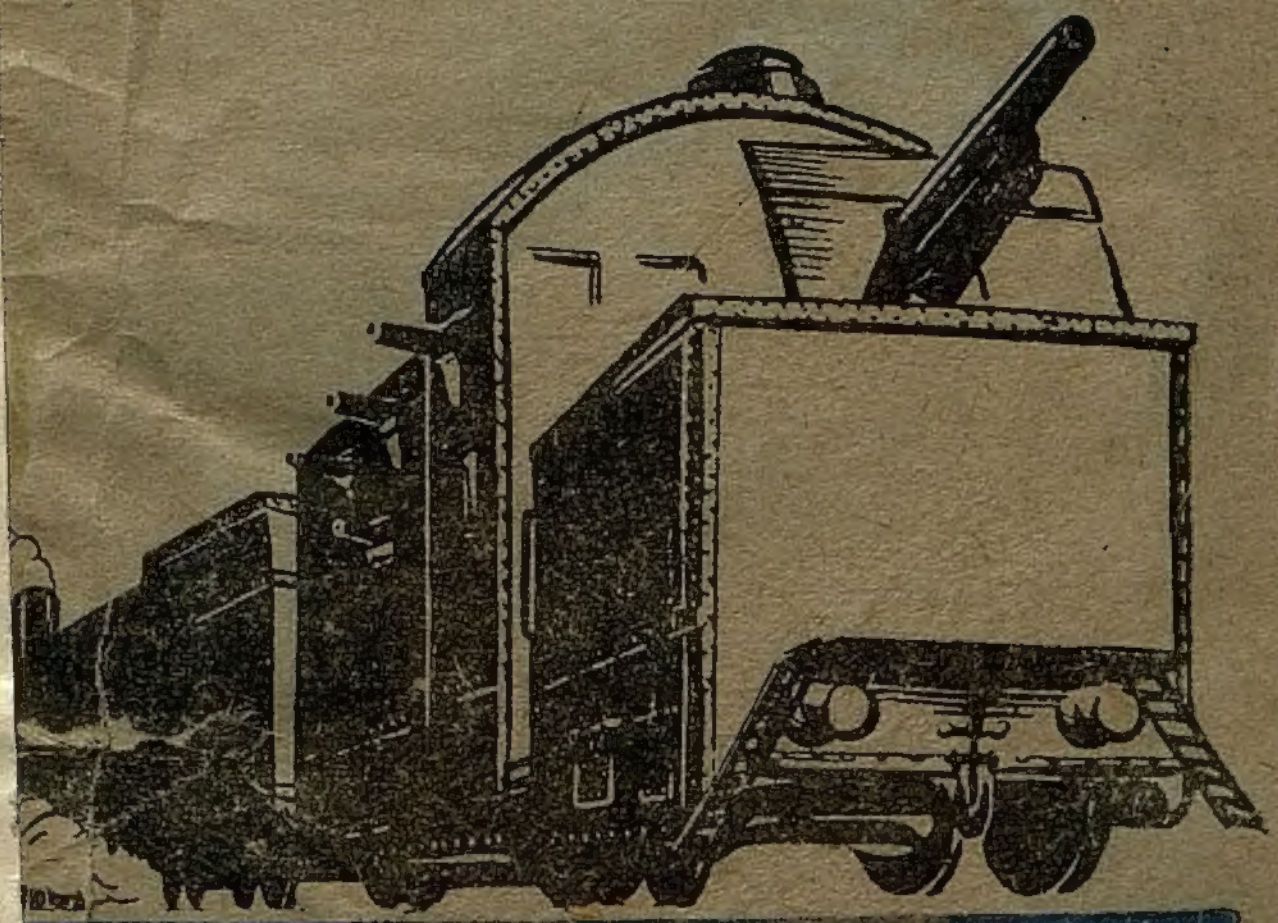
92
А62

ГЕКА КРАСНОФЛОТЦА

Илья Амурский

МАТРОС АНАТОЛИЙ ЖЕЛЕЗНЯКОВ



ВОЕНМОРИЗДАТ
1939

36663

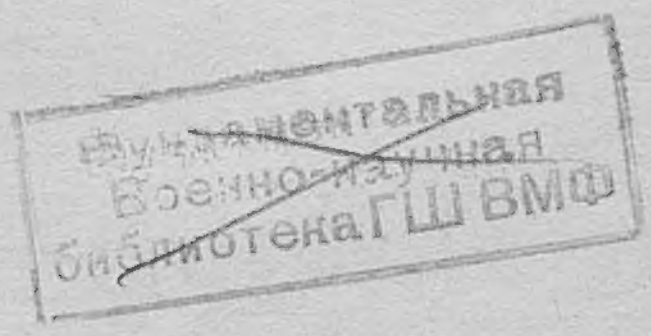
БИБЛИОТЕКА КРАСНОФЛОТЦА
92
А62
ПРОВЕРЕНО 1365 г.

Илья АМУРСКИЙ

Проверено 1 2015

МАТРОС АНАТОЛИЙ ЖЕЛЕЗНЯКОВ

36663



ВОЕНМОРИЗДАТ НКВМФ СССР
МОСКВА 1939 ЛЕНИНГРАД

92 +359.А 82 гр
А-62

ПРОВЕРЕНО 1960 г.

Брошюра посвящена отдельным наиболее ярким страницам из жизни и боевой деятельности народного героя матроса Анатолия Железнякова. Рассчитана на массового читателя и, главным образом, на нашу советскую молодежь.

Отв. редактор Полковой комиссар *С. Найда.* Сдано в производство 2|IX 1939 г.
Технический редактор *Б. Левин.* Подписано к печати 2|X 1939 г.
Корректор *А. Лахтин.*

Формат бумаги 84 × 108 1/32. № Г-51030.
Объем 3 3/4 печ. л. Учет.-авт. 2,61 л. Изд. № 167. Зак. № 3283.
Адрес изд-ва: Ленинград, здание Гл. Адмиралтейства.

Отпечатано с готовых матриц в типографии „Коминтерн".
Ленинград, Красная ул., д. 1

„Многие десятки тысяч бесстрашных бойцов отдали свои жизни за дело народа, сражаясь в рядах Красной армии и Красного Военно-морского флота. Имена таких народных героев, как Чапаев, Щорс, Руднев, Пархоменко, Лазо, Дундич, матрос Железняков, и многих других будут постоянно жить в сердцах поколений. О них благодарный советский народ слагает свои песни, о них пишут и еще будут много писать книг. Они вдохновляют молодежь на подвиги и героизм и служат прекрасным примером беспредельной преданности своему народу, Родине и великому делу Ленина — Сталина".

К. Е. Ворошилов.

Сын великого народа

(Из биографии А. Железнякова)

Ранней весной 1914 г. на набережной черноморского портового города Туапсе появился красивый рослый юноша с густой курчавой шевелюрой. В поисках работы он долго ходил по конторам портовых складов, намереваясь стать грузчиком, предлагал свои услуги капитанам пароходов и буксиров, надеясь получить место матроса. Но всюду его встречали одним ответом:

— Свободных мест нет.

От скромных средств, взятых юношей из дому, оставались гроши, а он все еще скитался без работы. Стараясь сберечь каждую копейку на питание, парень проводил ночи под открытым небом на скамьях бульвара и в старых лодках на берегу моря.

Изнемогая от бесполезных поисков заработка, он часто приходил на набережную и часами вглядывался в широкие морские просторы. Его давно тянуло к морю. С малых лет он мечтал попасть в школу дальнего плавания, стать моряком, побывать за границей, посмотреть чужие города, далекие моря и океаны. Но этим мечтам не суждено было сбыться. Для того, чтобы попасть в школу дальнего плавания, нужны были средства и образование. Ни того, ни другого у него не было. Он носил в кармане мало кого удивлявшее удостоверение, в котором говорилось:

«Московский Городской Училищный Совет сим удостоверяет, что Анатолий Георгиевич Железняков, сын мещанина города Москвы, Басманная слобода, родившийся в 1895 году, апреля 20 дня, успешно окончил курс учения в Пресненском 4-м Городском Училище».

Получить такой документ об успешном окончании курса и лишиться навсегда возможности дальше учиться—это было в царской России неизбежной судьбой сотен тысяч и миллионов таких, как он, детей бедных родителей.

Юноша, ищущий хоть какой-либо работы, уже успел пройти суровую жизненную школу.

После окончания городского училища он успел побывать в фельдшерской школе, где его за борьбу с произволом сначала посадили под арест, а потом в 1912 году выгнали из школы.

На Глуховской мануфактуре за резкое столкновение с хозяином фабрики его уволили с работы с зачислением под надзор полиции.

Лишь после долгих хлопот Железнякову удалось, наконец, устроиться на работу, которая спасала его от голода.

В письме, полученном матерью Железнякова в Богородске в апреле 1914 г., Анатолий писал:

«Я живу неважно. Места нет. Работаю поденно у водолазов. Только почему-то не дают работать по полному дню, а все по полдня. Тоска. Чувствую, что идет не так, как следует, не так, как желаешь. Видно нам, дорогая мама, никогда не видать счастья. То, что думаешь, желаешь, не выходит. А то, чего не хочешь, само лезет...»

Не отступая перед трудностями, Анатолий добивался лучшего. Через некоторое время ему удается устроиться на длительную работу в водолазной команде, а затем представился удобный случай перейти на должность кочегара на один из кораблей Черноморского пароходства.

Год тяжелой работы в водолазной команде и на судах Черноморского пароходства и знакомство с революционными рабочими и моряками обогатили Железнякова опытом классовой борьбы. Поэтому, когда он летом 1915 г. пришел на Бутырский снарядный завод фирмы Густав Лист в Москве работать в качестве слесаря, местная большевистская подпольная организация быстро нашла в его лице боевого помощника, поручив ему ответственное дело переправки на фронт антивоенной литературы.

Осенью 1915 г. Железнякова призывают на службу в военный флот. После прохождения строевой учебы в Балтийском флотском экипаже, славившемся зуботычинами и издевательствами, он попадает на учебный корабль «Океан» (ныне «Комсомолец»), где ведет революционную пропаганду среди матросов.

О революционной деятельности Железнякова стало известно охранке и начальству. Узнав о предстоящем аресте, он бежит из военного флота, перебирается на юг, где вплоть до 1917 года по подложным документам работает на торговых судах Черноморского пароходства.

Мечты и думы молодого революционера за этот период лучше всего раскрывает сохранившийся дневник, который Железняков тайно вел, находясь в бегах.

«Я опасаюсь, что они из Москвы затребовали политическую благонадежность»,—записывает он 21 августа 1916 г. перед отходом судна из Новороссийска.

22 августа, на пути к Батуму, Анатолий снова достает далеко спрятанный дневник и дополняет:

«Держусь каждую минуту в полной готовности. Много еще испытаний на пути, но они ничуть меня не пугают и не тревожат. Хорошо жить и бороться!»

6 сентября он записывает:

«Война! Ужас! Кошмар! Судьба пишет историю народов кровью. Идет безумная, достигшая крайней разнузданности, оргия. Сильные мира сего упиваются властью, тешатся новой игрой мировой бойни, идущей уже третий год. Смейтесь, но хорошо смеется тот, кто смеется последним!»

И дальше пишет, что близится час победоносной революции.

Железняков не хочет мириться с той обстановкой, в которую он попадает.

В его записях за 9 сентября говорится:

«...Работать целые годы на господина хозяина не хочу и не буду... Скучно и неинтересно жить в такой обстановке, в какую попал я, без борьбы, без сражений — мертвая зыбь».

Он горит ненавистью к самодержавию. Оказавшись в тюрьме в портовом городе Ризе за протест, организованный им против тяжелых условий на корабле, молодой революционер отмечает в своем дневнике 12 сентября:

«... Всюду, где ступила нога российского администратора, мгновенно вырастают полицейские учреждения, жандармские управления, тюрьмы, арестные дома и прочие злокачественные учреждения».

16 сентября, в связи с срочным уходом корабля в Трапезунд, Железнякова и его товарищей освобождают из тюрьмы.

Но беглец все время не забывает, что его в конце концов все-таки могут найти и схватить. Тогда что?

На этот вопрос он записывает в дневнике 5 октября такой ответ:

«Если я попадусь, скажу:—Убейте, замучьте, но служить я вам не могу, не хочу, не желаю подчиняться вашим законам. Бороться и защищаться буду до тех пор, пока рука в силе будет сопротивляться и ум не перестанет функционировать. Много тяжелых испытаний лежит на пути. Но я знаю, я верю, что они ничто в сравнении с достигаемой целью, и во имя ее—свободы, вольного труда—я готов итти на все».

Февральскую буржуазно-демократическую революцию Железняков, находившийся на одном из торговых пароходов в Батуме, встретил убийственной критикой.

«Эх ты, куцая свобода, как обкарнали тебя!» — записывает он в своем дневнике утром 22 (9) марта 1917 года.

Железняков возвращается в Кронштадт с тем, чтобы вместе со своими друзьями-балтийцами под большевистскими знаменами итти на решительный штурм старого мира. Он с головой уходит в революционную борьбу. Как агитатор выступает на митингах и собраниях моряков и рабочих, разоблачая буржуазию и социал-предателей меньшевиков и эсеров. Он горячо выступает против империалистической войны и обмана, который проводили социал-предатели.

Проходит немного времени, и Железнякова знает вся Балтика. Он избирается членом Центробалта, боевой, массовой выборной организации матросов Балтийского флота, работавшей под руководством большевистской партии.

За выступление против Временного правительства в июньские дни 1917 г. Железняков был арестован и осужден судом Керенского на 14 лет каторжных работ. С помощью друзей 6 сентября ему удается совершить из тюрьмы смелый побег. Он бежит в Гельсингфорс, где продолжает работать под фамилией Викторского; принимает активное участие в работах 2-го съезда моряков Балтийского флота, происходящего в конце сентября и первой половине октября 1917 г.; избирается от Балтфлота делегатом на II Всероссийский Съезд Советов.

События развивались с колоссальной быстротой. 25 октября началось историческое восстание рабочих, солдат и матросов, руководимое Лениным и Сталиным из штаба революции—Смольного.

«25 октября (7 ноября) Красной гвардией и революционными войсками были заняты вокзалы, почта, телеграф, министерства, государственный банк.

Был распущен предпарламент.

Смольный, где находился Петроградский Совет и ЦК большевиков, стал боевым штабом революции, откуда шли боевые приказы». [1]

В огне борьбы в 10 часов 45 минут вечера 25 октября (7 ноября) 1917 г. открылся II Всероссийский Съезд Советов, делегатом которого был и Железняков.

Со съезда Железняков, в числе других делегатов, уходит на штурм Зимнего дворца, где под охраной юнкеров и ударных батальонов укрылось Временное правительство.

В историческую ночь с 25 октября (7 ноября) на 26 октября (8 ноября) 1917 г., когда Всероссийский съезд Советов, руководимый В. И. Лениным и И. В. Сталиным, объявил о переходе власти в руки Советов, принял декрет о земле и мире, Анатолий Железняков, во главе одного из отрядов моряков, ворвался в Зимний дворец—последнюю цитадель Временного правительства. Временное правительство было низложено и арестовано.

26 октября (8 ноября) закончил свою работу II Всероссийский съезд Советов, провозгласивший Советскую власть и избравший Советское правительство, во главе с Владимиром Ильичем Лениным.

«Делегаты съезда разъехались по местам, чтобы разнести весть о победе Советов в Петрограде и обеспечить распространение Советской власти по всей стране». [2]

---

[1] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 198—199.

[2] То же, стр. 200.

Делегаты, оставшиеся в Петрограде и Кронштадте, под руководством большевиков укрепляли Советскую власть в городе революции. Среди них был и Анатолий Железняков.

Уже утром 26 октября, вместе с матросом Сергеем Лукашевичем, он мчался на грузовике Ленинградского военно-морского порта на Галерную улицу, чтобы конфисковать бумагу в типографии буржуазной газеты «Биржевые ведомости».

— Ведь это чорт знает сколько у них газет, Сережа!— кричал Анатолий в ухо своему спутнику, стараясь перекричать шум мотора,—а у нас что? Ты слышишь, Сережа? Я говорю, а у нас что? Одна «Правда»!

Он гневно жестикулировал.

— Довольно! Теперь мы хозяева! «Правду» надо сделать большой. Верно, Сережа? Я говорю: «Правду» надо сделать самой большой газетой! Да других изданий нужно побольше.

Раздобыв десятки тонн бумаги для «Правды» и других большевистских газет, Железняков в этот же день, выступая на митингах и собраниях в казармах 2-го Балтийского флотского экипажа и на военных кораблях, стоявших на Неве, произносит зажигающие речи, в которых разъясняет суть происшедших событий.

Молодая Советская республика переживала тяжелый момент. Бежавший в Гатчину Керенский собирал контрреволюционные части и готовился к походу на Питер. Ему помогал казачий генерал Краснов. На Питер двигались пять казачьих полков с пулеметными командами, десятками полевых батарей и броневых автомобилей. Ставка главнокомандующего отказывалась признавать Советскую власть. В Москве юнкера продолжали занимать Кремль. Развернувшиеся события требовали крепких и славных организаторов, бесстрашных бойцов и руководителей революционных отрядов, направляемых Советской властью для подавления сил контрреволюции и упрочения Советской власти. Среди сотен

тысяч мужественных и беззаветно преданных делу Ленина—Сталина был и Железняков.

Первые бои

«Не сразу во всех местах перешла власть к Советам. В то время как в Петрограде существовала Советская власть, в Москве еще в течение нескольких дней шли упорные и жестокие бои на улицах. Чтобы не допустить перехода власти в руки Московского Совета, контрреволюционные партии меньшевиков и эсеров вместе с белогвардейцами и юнкерами открыли вооруженную борьбу против рабочих и солдат».[1]

На необъятных просторах нашей страны шла борьба за власть Советов. Официально фронтов пока не было, но везде рылись окопы, трещали пулеметы, лилась кровь.

«10 ноября 1917 г. Керенский, бежавший во время восстания из Петрограда в район северного фронта, собрал некоторые казачьи части и двинул их на Петроград, во главе с генералом Красновым».[2]

11 ноября белогвардейцы подняли мятеж в Петрограде, ликвидированный без особого труда матросами и красногвардейцами. 13 ноября у Пулкова были разгромлены банды Краснова и сам Краснов захвачен в плен. Керенский, переодевшись в женское платье, бежал за границу. В Могилеве красногвардейскими отрядами, революционными солдатами и матросами была разгромлена контрреволюционная ставка главнокомандующего генерала Духонина.

Но в это же время на окраинах страны и, в особенности, на Дону и Урале накапливались силы контрреволюции. Республика мобилизовала все свои силы для подавления контрреволюционных мятежей. В боях росли и крепли вооруженные силы социалистического государства. В эти

---

1 История ВКП(б). Краткий курс, стр. 200.
2 То же, стр. 201.

дни неутомимый Железняков формировал боевые отряды моряков Балтики.

15 (2) ноября 1917 г. Железнякова вызвали в Морской военно-революционный комитет, членом которого он являлся. Разговоры были кратки. Морской революционный комитет командировал Анатолия в отряд петроградских рабочих, солдат и матросов, который по указанию Ленина и Сталина посылался в Москву для оказания помощи московским рабочим и солдатам в подавлении контрреволюционного мятежа. Железняков с большой радостью принял это боевое поручение.

С этих пор начинается кипучая фронтовая жизнь Железнякова. «Бессменный фронтовик гражданской войны», верный сын трудового народа, один из самых боевых матросов революции, отдавший свою жизнь за торжество коммунизма,—вот светлый облик народного героя Железнякова».

Так писали о нем «Известия ВЦИК» в 1919 г., так думали о нем боевые товарищи, таким знает его великий советский народ.

Поздно вечером 15 (2) ноября Железняков явился на Московский вокзал, разыскал комиссара сводного отряда, отправляющегося в Москву на помощь рабочим, и вручил ему свой мандат.

— Товарищ Еремеев, прибыл в ваше распоряжение.

Комиссар отряда Еремеев, старый большевик-подпольщик, один из первых организаторов «Правды», талантливый журналист и бесстрашный фронтовик, внимательно посмотрел на вытянувшегося перед ним рослого матроса с сияющим лицом и, не вынимая изо рта своей неизменной спутницы—трубки, медленно стал читать поданный Железняковым мандат, в котором было сказано:

«... Предъявитель сего, член Морского военно-революционного комитета Анатолий Железняков, командируется в распоряжение Морского сводного отряда в г. Москву.

Что подписью с приложением печати удостоверяется».

— Да это же товарищ Железняков!—обрадовался Еремеев.—Дорогой! Здравствуйте, дружище, здравствуйте! Вот радость! Слышал про вас, слышал. Так вот вы какой! — И он долго тряс крепкую руку матроса.

— Ну, товарищ Железняков, помогайте! Вы будете членом штаба нашего отряда, согласны?

— Есть,—ответил по-военному Анатолий.

В нескольких словах Еремеев рассказал Железнякову обстановку, задачу отряда и о том саботаже, который чинили железнодорожные чиновники, руководимые «Викжелем».

Возглавляемый меньшевиками и эсерами «Викжель» (Всероссийский исполнительный комитет железнодорожников) не признавал Советской власти. На второй же день Октябрьской революции его руководители заявили:

«В начавшейся гражданской войне «Викжель» будет нейтральным и не допустит военных переброс ни с той, ни с другой стороны». Это была неприкрытая контрреволюция. Узнав, что состав, формируемый Еремеевым, необходим для вооруженного отряда, отправляющегося в Москву на помощь рабочим, сражающимся с юнкерами, засевшими в Кремле, «Викжель» всеми путями и средствами тормозил эту отправку. Конечно, каждый из чиновников делал вид, что он всячески готов помочь, но вместе с тем давал понять, что разрешение вопроса от него якобы не зависит.

Прошло уже несколько часов с момента прибытия отряда на вокзал. Все суетились, бегали, звонили, а дело не двигалось. И вот в этой обстановке Еремеев обратился к боевому балтийцу:

— Товарищ Железняков, а ну, помоги по-матросски!

— Есть, помочь по-матросски!

Через несколько минут Железняков уже был хозяином вокзала. Десятки вооруженных матросов под его командой рассыпались по всем путям, с помощью рядовых железнодорожников разыскивали вагоны, забирали их без всякого разрешения, формировали эшелоны, погружали оружие и размещались сами. Быстро нашлись свои стрелочники и сцепщики.

Надо было составить три поезда. На головной должны были погрузиться балтийцы, на второй—питерские красногвардейцы, на третий—428-й Лодейнопольский полк. Прошло немного времени, и с помощью железнодорожных рабочих эшелон был сформирован, отряды погрузились. Напрасно пытались викжелевцы доказать, что вести поезда некому. Машинисты и кочегары нашлись. Это были те же старые железнодорожные рабочие. Они сами пришли в отряд и заявили:

— Разрешите, мы поведем поезда.

Предложение было принято.

На рассвете, прорезая холодный встречный ветер, три состава, следуя друг за другом, звеня буферами, стремительно мчались в Москву.

Вместе с неукротимым своим другом, матросом Бергом,[1] комиссаром отряда К. С. Еремеевым Железняков находился в головном отряде. Здесь было много шума и веселых шуток. Матросы пели песни, чистили оружие и громко «забивали козла».

Собрав вокруг себя старых друзей, Железняков голосисто затянул:

... долго в цепях нас держали,
Долго нас голод томил,
Черные дни миновали,
Час искупленья пробил.

Хор дружно подтягивал.

На станции Любань была получена неожиданная весть: «впереди идет неизвестный бронепоезд».

Попыхивая трубкой, Еремеев спокойно продиктовал телеграмму:

«Начальнику станции Чудово. Предлагаю вам задержать и не пропускать до моего прибытия неизвестный блиндированный поезд, следующий на Москву.

Член Петроградского Революционного Военного Совета Комиссар сводного отряда войск К. Еремеев».

---

[1] Расстрелян в числе 26 бакинских комиссаров в 1918 г.

Но в Чудове задержали не бронепоезд, а эшелон самого Еремеева. Ему предъявили телеграмму за подписью «Викжеля».

В телеграмме категорически предписывалось начальникам всех станций пропускать вне всякой очереди бронепоезд, идущий под № 261-бис, и задерживать неизвестные три воинских состава, возглавляемые неким Еремеевым, выдающим себя за члена Военно-Революционного Совета.

— Что-о-о!—широко раскрыл глаза старый большевик, крепко сжимая в зубах мундштук трубки,—тысяча дьяволов! Да ведь под номером 261-бис идет наш второй состав!

Срочная телеграмма по линии, выстуканная телеграфистом под диктовку Еремеева, требовала от всех руководителей железнодорожных организаций, под угрозой расстрела, во что бы то ни стало задержать бронепоезд. Но бронепоезд мчался все дальше и дальше. Нагоняя на всех страх своими пушками и двадцатью пулеметами, он беспрепятственно проносился вихрем через станции и разъезды. Вскоре выяснилось, что это тот самый бронепоезд Керенского, который обстреливал красные части под Царским Селом (ныне г. Пушкин). Спасаясь от захвата, он прорвался через ст. Дно по Полоцкой линии на Николаевскую железную дорогу и теперь мчался на помощь московским юнкерам.

Кто-то высказал предположение: «возможно, на нем сам Керенский!»

Теперь Железнякова нельзя было удержать никакими силами. Он возбужденно ерошил свои кудри, хватался за наган и готов был выполнить любое поручение, лишь бы задержать и разоружить бронепоезд. Он не отставал от Еремеева:

— Товарищ комиссар, Константин Степанович, разрешите захватить этот бронепоезд.

— Каким образом?

— Нагоним!

— А дальше?

— Разгромим, если не сдастся.

— Из винтовок?

— Да если нужно, то с помощью винтовок и ручных гранат.

Разгорячившийся Анатолий не хотел слышать никаких возражений.

— У нас есть гранаты!

— С гранатами против бронепоезда?!

— Да,—отвечал Железняков.

— Ну, что же, дерзайте, разрешаю.

Еремеев остался на втором составе. Железняков с друзьями стремительно пошел вдогонку бронепоезда на головном эшелоне.

Напрасно пытался враг увернуться, уйти, спастись. Как затравленный зверь, преследуемый опытными охотниками, испуганно удирая, он летел по рельсам, выжимая из паровоза все, что можно было выжать. За ним стремительно летел матросский поезд. Перебравшись на паровоз, Железняков суетился возле приборов, настойчиво приставая к машинисту:

— А ну, поднажмем, братишка, поднажмем!

Схватил лопату, бросал уголь в топку и снова кидался к команде паровоза:

— А ну, поддай, ребятки. Давай, давай!

Ветер свистел и выл, мелькали телеграфные столбы, поля, рощи, мосты, дороги.

Железняков вглядывался в даль; ветер бил ему в лицо, хлестал по щекам, рвал волосы.

С каждым часом расстояние между бронепоездом и матросским составом становилось все меньше и меньше. Нужна была большая отвага, дерзость и уверенность в своих силах, чтобы осмелиться на обыкновенном поезде, с небольшим отрядом храбрецов, вооруженных винтовками и гранатами, преследовать вооруженного пушками противника.

Единодушно поддерживаемый командованием и всеми матросами, Железняков шел на расчетливый риск. Он ве-

рил, что рабочие помогут поймать бронепоезд. Надо было только загнать его, как загоняют зверя на облавах.

Враг начинал выбиваться из сил. Станцию Бологое бронепоезд проскочил уже с боем. Получив телеграмму о задержке его, местные рабочие, вопреки железнодорожным чиновникам, первыми попытались задержать бронепоезд. Но здесь противник отбился. Отстреливаясь, он спешно набрал воды и быстро тронулся дальше, заметив мчавшийся вдали матросский поезд. Убедившись, что до Москвы теперь все равно не добраться, бронепоезд круто изменил курс и бросился наутек по Липецкой ветке.

Над землей опустилась черная ночь. Гудели тревогой закутанные в густую темноту стальные рельсы. Растерявшийся бронированный зверь уже не летел, а полз ощупью. Теперь в любой момент, на каждом километре, он мог с грохотом сорваться в приготовленную для него рабочими западню. Весть о неравном поединке, разыгравшемся на Николаевской железной дороге, облетела уже по всей линии, по всем станциям, полустанкам и разъездам, по всем рабочим пристанционным поселкам и местечкам. Рабочие, руководимые большевиками, повсюду готовы были встретить врага.

Не дойдя до станции Куженкино, бронепоезд с полного хода резко застопорил. Разрезавший тьму кинжал прожектора уперся в разбросанные впереди шпалы. На несколько десятков метров в беспорядке валялись рельсы. Путь был разобран. Надежды матросов на помощь рабочих оправдались. Враг оказался в западне. Удирать ему дальше было нельзя; отступать тоже некуда.

Через несколько минут бронепоезд уже находился в полукольце матросских цепей. Подкравшись с группой храбрецов, под прикрытием темноты, почти вплотную к осажденному противнику, Железняков закричал:

— Сдавайтесь! Вы окружены со всех сторон! Нас пять тысяч!

Это было неверно, но прогремело сильнее любого сокрушающего снаряда.

Противник не выдержал. Броненоезд сдался. Казавшаяся неприступной махина, закутанная в непробиваемую броню с английскими клеймами, снабженная четырьмя сильными орудиями, двадцатью пулеметами, оказалась бессильной под напором храбрецов матросов и вооруженных рабочих, разобравших путь.

На рассвете 17 (4) ноября броненоезд уже мчался к Москве под красным знаменем. Матросы праздновали победу. Комендоры изучали механизмы захваченных орудий, подсчитывали снаряды и практиковались в наводке; пулеметчики просматривали замки, восхищались удобствами бронированных вагонов и уже мечтали, как из отобранных у противника пулеметов они будут косить его же ряды.

Захваченные в поезде трофеи дали возможность всем принарядиться перед Москвой поприличнее, повнушительнее, по всем правилам, рожденным в дни революции. Одни опоясывались новыми пулеметными лентами, другие приспособили к поясам бутылки-гранаты, третьи деловито осматривали отобранные у офицеров кольты; группа «авроровцев» долго обсуждала, кому уступить оставленную в броненоезде великолепную кавказскую шашку с серебряной рукояткой в виде лошадиной головы, с серебряными украшениями на ножнах.

Разобравшись в приобретенном боевом хозяйстве, матросы долго и весело шумели.

В Москве пришлось быть недолго. Правительство срочно направило захваченный броненоезд в Донбасс для борьбы с бандами Каледина.

В пути Железняков вместе с товарищами решал задачу:

— Успеем ли первыми прибыть в Белгород, или нас опередят бандиты?

По сведениям, полученным в Курске, стало известно, что по Сумской ветке к Белгороду двигаются белогвардейские отряды полковника Степанова, причем расстояние их до Белгорода было значительно меньше, чем отрядов моряков с броненоездом.

Центральной ВНБ

Прибыв первыми на эту станцию, белые могли беспрепятственно продвигаться дальше, на Новочеркасск, к Каледину, где сосредоточивались крупные силы контрреволюции.

— Нет, этого нельзя допустить!—твердо заявил Железняков на экстренном заседании штаба отряда,—нельзя допустить этого,—повторил он несколько раз.—Мы должны быть первыми в Белгороде.

Возражать против такой четкой, хотя и трудно выполнимой, задачи никто не стал. С ним все согласились. Все разделяли его взгляды. После случая под Москвой и последующих событий его авторитет еще больше возрос.

До сих пор официально он продолжал оставаться лишь одним из работников штаба отряда; комиссаром был прапорщик Павлуновский, сменивший Еремеева в Москве, а начальником штаба—прапорщик Ильин. Железняков был рядовым матросом. Но головой в отряде на деле фактически был он. Анатолий пользовался особой любовью всех бойцов: ему безоговорочно доверяли, к нему шли за советами, за ним готовы были итти в огонь и в воду. Бои под Белгородом подтвердили, как правильно умеет масса избирать и ценить своих настоящих руководителей.

Развив предельную скорость, матросский бронепоезд пришел в Белгород, когда контрреволюционный отряд полковника Степанова находился еще в нескольких десятках километров от этой важной стратегической точки. Высланная Железняковым на паровозе разведка выяснила, что противник подтягивает свои резервы и готовится к бою. Несколько эшелонов собираются в один мощный кулак у станции Тамаровка. По неточным данным удалось установить, что контрреволюционная банда численно в несколько раз больше матросского красногвардейского отряда, вооружена крупной артиллерией, несколькими десятками пулеметов и укомплектована сильным офицерским составом. Бой с таким противником таил большую опасность.

Станция Белгород с часа на час могла превратиться в арену ожесточенного боя. Матросы не собирались отсту-

пать. Отряд в большинстве своем состоял из революционных балтийцев, не привыкших отступать перед классовым врагом. Во главе их находился человек, одно имя которого говорило за то, что в данном случае о капитуляции перед любым противником не может быть и речи.

— Ни в коем случае мы не должны пропустить их через Белгород,—снова повторял Железняков.

Обсудив положение, штаб решил: не дожидаясь приближения противника к станции, атаковать его немедленно на месте подготовки к наступлению.

Комиссар отряда Павлуновский заявил:

— Бронепоезд в атаку поведу я. Выйду с двумя бронеплощадками.

Первым высказавший предложение о внезапном нападении на врага, Железняков не настаивал на том, чтобы руководство этой операцией было поручено ему, но разумно заметил:

— Мне кажется, что один бронепоезд с двумя бронированными вагонами рискованно посылать в такую операцию. Я предлагаю прицепить еще два вагона с отрядом наших флотских ребят.

— Для чего это?—вспыхнул Павлуновский.

— Да на всякий случай.

Прапорщик первым вскочил со стула:

— Мне совершенно непонятно, при чем здесь «на всякий случай». Я против такого предложения.

—А я настаиваю!—громко перебил Железняков.

Чувствуя какую-то внутреннюю тревогу за исход намеченной операции, он готов был в эту минуту на все, только бы не допустить провала своего предложения.

«Эх, кабы теперь здесь был Константин Степанович,—вспомнил Железняков об Еремееве,—разве доверил бы он это дело кому-нибудь другому, кроме меня?»

Убедившись, что Железняков не отступит от своего предложения, Павлуновский сдался:

— Ну, хорошо, я не возражаю. Давайте прицепим резерв из балтийцев. А кто во главе их будет?

Железняков громко ответил:

— Я!

Через полчаса бронепоезд уже громыхал навстречу врагу.

Утро только начиналось. Облитые лучами раннего солнца поля серебрились первыми заморозками; прозрачный холодный воздух пробивался под бушлаты, проникал под тельники и чуть знобил тело. Ветер трепал ленты матросских бескозырок, свистел и выл в тамбурах вагонов.

Матросы в полной боевой готовности ждали решительного момента.

Прислушиваясь к разговорам товарищей, Железняков не переставал зорко наблюдать за расстилавшейся далью. Вот, наконец, показалась цель. Впереди раскинулись станционные постройки. На путях вдоль платформы чернели длинные составы вагонов. Издали станция походила на гигантскую муравьиную кучу.

Заметив стремительное приближение бронепоезда, муравейник всполошился. Бандиты никак не предполагали такого неожиданного налета. Они надеялись, что красные будут вести пока лишь разведку. Не дойдя нескольких сот метров до станции, бронепоезд дал первый выстрел и сразу метко положил снаряд между вытянувшихся вражеских эшелонов. Словно заранее пристрелявшись, комендор бронепоезда, матрос Серебряков, вторым выстрелом угодил прямо в один из паровозов противника.

Третий снаряд попал в цепь вагонов, подняв высоко над землей вихрь щепок, земли и железа.

— Здорово!

— Так их, гадов!

Железняков ликовал:

— А ну еще! Ну...

Гул орудий сливался с взрывами снарядов.

Испуганной птицей промелькнул семафор, торопливо прозвякали под колесами железнодорожные стрелки, со

звоном и боем бронепоезд вихрем подлетел к самой станции.

Затакали пулеметы.

Соскочив с бронепоезда, Железняков кричит:

— Товарищи, за мной! Ура!

— Ура-а-а!—подхватили матросы.

Не обращая внимания на свист белогвардейских пуль, Железняков впереди всех с гранатой атакует главное здание станции.

Меньше чем через четверть часа станция была занята. Захватили в плен нескольких офицеров и группу солдат.

Задача была выполнена с честью. О дальнейшем наступлении не приходилось и мечтать. Безумно было с небольшой, хотя и очень храброй, группой бойцов вести длительную операцию против многочисленного противника. Не дожидаясь, когда он оправится от паники и перейдет в контрнаступление, надо было немедленно возвращаться к Белгороду.

Но тут случилось как раз то, о чем предупреждали Павлуновского и Железняков, и начальник штаба Ильин, и другие товарищи.

Соглашаясь на организацию внезапного налета на противника, все пришли к одному решению: обрушиться на части полковника Степанова. Такое решение диктовалось всей сложившейся обстановкой. В распоряжении контрреволюционеров было в десять раз больше сил, чем в матросско-красногвардейском отряде. Павлуновского предупреждали: «никакого лишнего риска». Ничего не помогло.

Когда Железняков с боем ворвался на станцию, захватил в плен нескольких офицеров и с ними спешил уже обратно к бронепоезду, перед ним вдруг появился Павлуновский:

— Я сейчас начну переговоры со Степановым о полной сдаче его отряда.

— Это безумие!—закричал Железняков.—Нам ни минуты лишней нельзя задерживаться здесь!

Павлуновский гордо перебил:

— Прошу не учить! Я командую бронепоездом, а не вы!

Он проворно подошел к телефону, вызвал ближайшую станцию:

— Говорит Павлуновский—командир матросского бронепоезда. позовите к телефону полковника Степанова.

Уже начавший оправляться от паники противник понял, какой неожиданный случай представлялся ему для взятия реванша. Павлуновский услышал, как с соседней станции кто-то притворно любезно прогудел в телефон:

— Просим подождать! Сейчас же посылаем за полковником. Две-три минуты внимания.

Время тянулось, но никто к телефону не подходил. Наконец послышался тот же голос:

— Полковник сейчас явится. Извините, еще одну минуту.

Прошло еще несколько минут, пока какой-то неизвестный офицер, выдавая себя за полковника, начал переговоры о «сдаче».

Понимая отлично, что это только хитрый маневр противника, старающегося выиграть время, Железняков метался, негодуя и требуя от Павлуновского немедленно прекратить преступную комедию и, не задерживаясь ни одной минуты, отправляться обратно к Белгороду. Раздраженный Павлуновский вышел из себя:

— Прекратите ваши поучения!—нервно взвизгнул он.

Вдруг в помещение станции ворвался запыхавшийся матрос:

— Нас окружают белые!

Все было ясно. Дальше медлить было нельзя ни одной секунды. Железняков выхватил из кобуры наган, повернулся к столпившимся возле него бойцам:

— Товарищи, слушай мою команду!

И, стремительно бросившись к Павлуновскому, резко заявил:

— Вы арестованы!

Окруженный плотным кольцом людей, защелкавших затворами винтовок, он быстро приблизился к растерявшемуся прапорщику, отобрал у него оружие и повелительно скомандовал:

— Приказываю немедленно следовать на бронепоезд.

Этот дерзкий и решительный шаг Железнякова в отношении своего непосредственного командира был принят вовремя. Малейшее промедление могло привести к неминуемой гибели и захвату бронепоезда противником.

Станция уже замыкалась в кольцо белых. Положение казалось безвыходным.

Под градом вражеских пуль начали редеть ряды матросов.

Отстреливаясь от наседавших цепей противника, Железняков с товарищами пробился, наконец, к бронепоезду, стал во главе его и, не теряя хладнокровия, начал с боем отходить.

Разбегаясь по вагонам, бойцы услышали, как с командирского поста отдавались во все уголки бронепоезда его твердые приказы:

— Орудия к бою!

— Полный назад!

— Приготовить пулеметы!

Паровоз вздрогнул, качнулся и быстро начал набирать скорость, отходя от станции. Обращаясь к пулеметчикам, Железняков командовал:

— Огонь по линии!

Брызнул и забил горячий свинцовый поток по железнодорожной насыпи, по канавам и степи, скашивая и рассеивая белогвардейские цепи.

— Орудия, огонь!

Железняков теперь думал только об одном:

«Спасти бронепоезд во что бы то ни стало!»

Почувствовав твердую командирскую руку, бойцы воспрянули духом. Теперь они не боялись ничего. Их могли смять, разбить, но не вынудить к позорной сдаче.

Спасая бронепоезд, Железняков хотел как можно сильнее отомстить врагу за гибель товарищей, расплатившихся своей жизнью за преступное поведение Павлуновского. Среди погибших при прорыве из вражеского окружения у станции был и близкий друг Анатолия—матрос с корабля «Республика», член штаба отряда, большевик Михайлин.

Только находчивость, хладнокровие и храбрость Железнякова спасли от гибели остальных товарищей.

Отряд и бронепоезд вырвались из кольца, вернулись в Белгород.

Гнев матросов был беспределен. Они требовали расстрела Павлуновского и немедленного выступления всем отрядом против банд полковника Степанова.

— Отомстим за кровь наших товарищей!

— Уничтожить собачье отродье!

— Смерть гадам!— раздавались голоса матросов.

Деморализованные банды отряда полковника Степанова больше не мечтали прорваться через Белгород. Они спешно двинулись на Обоянь, намереваясь где-нибудь подальше пройти железнодорожную линию Харьков—Москва и, обойдя Белгород с севера, продолжать путь к Новороссийску.

На помощь балтийцам пришли черноморцы. Боевой дух красных бойцов окреп еще больше, когда была получена радостная телеграмма из Калуги.

Дело было в следующем: когда отряд по пути из Москвы направлялся в Донбасс, пришлось сделать остановку в Туле. Здесь трое суток погружали оружие для шахтеров, помогали большевикам укрепить местный совет, выгнать из него меньшевиков и эсеров. В день отправки отряда в дальнейший путь неожиданно пришла тревожная весть:

«В Калуге банда контрреволюционеров разогнала совет рабочих и крестьянских депутатов».

Калужские большевики настойчиво просили матросский отряд помочь им в борьбе с белогвардейцами.

В штабе решали—как быть. Нужно было скорее двигаться к основной цели. Героически боровшиеся донецкие шахтеры с нетерпением ждали оружия. Но и трудящимся Калуги надо было тоже помочь.

Посыпались предложения: одни считали, что необходимо всем отрядом двинуться к Калуге, быстро навести революционный порядок, затем продолжать двигаться вперед. Другие предлагали ограничиться посылкой сотни бойцов, а остальные, около девятисот человек, должны продолжать свой путь. Было и третье предложение—не отвлекаться от главной цели, а продолжать двигаться вперед.

После долгих споров в штабе все три поступивших предложения были отвергнуты. Принято было предложение Железнякова—послать в Калугу только одного товарища.

Это решение на первый взгляд было анекдотично, но выступивший в защиту его Железняков доказал, что только такое решение является единственно правильным.

—Почему?—спрашивал он, обращаясь к собравшимся товарищам.—Прежде всего потому, что одному значительно легче проникнуть в лагерь врага и без всякого шума организовать его разгром. Я не сомневаюсь, что трудящиеся Калуги нуждаются только в хорошем боевом военном организаторе. Надо возглавить их и разгромить врага беспощадно!

Так и поступил посланец. Это был матрос с «Авроры». Он отправился в Калугу 23 ноября. О результатах деятельности своего боевого посланца отряд узнал в Белгороде в первый же день после смелого налета на станцию Тамаровка.

Авроровец телеграфировал:

«Срочно. Белгород. Штаб отряда сводных петроградских войск. Из Калуги 29/XI 1917 г. № 202.

Калуга 28 ноября была окружена силами революционных войск. Ударники и вся свора сложили оружие. Все прошло без кровопролития. Жду дальнейших приказаний.

Имею отряд 250 человек, 4 орудия трехдюймовых, одиннадцать пулеметов, запас семьсот винтовок».

Телеграмма была без подписи.

— Забыл браток подписать!—возбужденно шумели матросы,—забыл от радости! Эх, Степа!

Пример боевого товарища вызвал большой подъем. Всем хотелось достойно ответить ему.

Узнав о намерении белогвардейцев обойти Белгород с севера, матросы решили во что бы то ни стало помешать этому. Для преграждения пути контрреволюционным частям надо было занять прежде всего деревню Крапивную. Но противник пришел в нее раньше. Ничего не подозревая, отряд моряков, разбитый на две группы, приближался к деревне. Подпустив матросов на близкое расстояние, белые неожиданно открыли по ним пулеметный огонь. Это было настолько внезапно, что матросы не выдержали. Первыми дрогнули черноморцы, еще не обстрелянные в боях. Руководивший их группой бывший офицер растерялся. Началась паника. С черноморцами смешались и балтийцы, наступавшие на деревню под командой прапорщика Ильина. Цепи были смяты и в беспорядке покатились обратно. Бегущие люди представляли хорошую мишень для губительного огня.

Положение спас Железняков. Ошеломленный не менее других и сбитый в первый момент отступающими, он быстро оправился и, пренебрегая опасностью, начал восстанавливать порядок:

— Товарищи, стой! Куда вы? Куда? Назад!

Услышав ободряющий голос своего боевого вожака, балтийцы начали останавливаться... Железняков понял, что наступил перелом.

— Стой! Назад! Ложись в цепь!

Балтийцы отрезвели окончательно. Опомнились и черноморцы.

— В цепь ложись!—продолжал греметь Железняков.

Ряды матросов быстро вытянулись правильными интервалами, повернулись назад и прильнули к земле.

Запыленный, весь вспотевший, с разгоревшимся лицом, Железняков поднял высоко над головой наган, бросился в сторону деревни, посылавшей в степь свинцовый дождь:

— Братва, за мной! Даешь золотопогонников! Ура!

— Ура-а-а!—разнеслось по степи.

И матросы кинулись в атаку на врага.

Деревня Крапивная была взята.

На следующий день в бою под станцией Сажное белых окончательно разгромили. Одна часть их сдалась в плен, другая была уничтожена. Железняков и его товарищи праздновали победу.

Гибель товарищей была отомщена.

Теперь можно было двигаться дальше. Но отряд оказался без официального руководителя. Исполнявший обязанности комиссара прапорщик Павлуновский срочно был отозван в главное командование для выяснения его поведения у ст. Тамаровка. Начальник штаба отряда прапорщик Ильин неожиданно заболел и срочно отправился в Петроград.

На митинге, состоявшемся после боя в районе станции Сажное, бойцы, по предложению большевистской ячейки отряда, открытым голосованием единодушно постановили:

— Избрать командиром отряда Железнякова!

— Пускай он же будет комиссаром и начальником штаба!—шумели матросы.

Это доверие массы окрылило Железнякова. Анатолий завоевал это доверие по праву.

Став во главе отряда и бронепоезда, он повел его в новые бои. Двигаясь вперед, Железняков громил и уничтожал встречавшиеся на пути гайдамацкие части, юнкеров и бежавших к Каледину офицеров, устанавливал советы и помогал создавать в селах и по железной дороге организации трудящихся.

В этих боях он закалялся сам и готовил товарищей для дальнейших новых схваток с контрреволюционерами. Ведь это были только первые бои начавшейся гражданской войны!

Личным примером и беззаветной храбростью Железняков учил бойцов, каким должен быть красный воин. Он всегда был бодрым и своим примером воодушевлял других.

В холодные дни и ночи он обычно ходил в бушлате с расстегнутой верхней пуговицей всегда плотно перетянутый ремнем. Сбоку у Анатолия висел наган, а за плечами— карабин. Он не любил опоясываться пулеметными лентами, как это делали многие его товарищи, бранил за это других, требуя от своих подчиненных использовать ленты по назначению.

Забывая об опасности, он появлялся всегда впереди. Несколько раз среди врагов разносилась весть о том, что Железняков убит. После боя под деревней Крапивной полы его бушлата и брюки были пронизаны пулями в нескольких местах. Но он благополучно выходил невредимым из всех схваток.

* * *

Под Чугуевом отряд Железнякова встретился с большими силами юнкеров. Юнкера упорно защищались, несколько раз пытались переходить в атаку, но снова откатывались, не выдерживая огня отряда Железнякова.

Окружив огненным кольцом город, матросы потребовали от юнкеров полного разоружения, ликвидации местной буржуазной думы и передачи власти в руки чугуевского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Поздно ночью на одну из застав к морякам явилась делегация чугуевской буржуазной городской думы.

— Просим прекратить осаду!

Парламентеров привели в штаб отряда. Выслушав заявление делегации о решении думы начать переговоры, Железняков захватил с собой двух матросов, запасся несколькими дополнительными гранатами и смело пошел в сторону юнкерских цепей.

Делегаты думы остались в качестве заложников.

Матросы провожали своих товарищей боевым напутствием:

— Требовать полной капитуляции, без всяких «крутиверти».

— Никаких уступок буржуям!

— Есть, никаких уступок буржуям! — смеялся Анатолий, удаляясь в темноту.

Над Чугуевом лежало холодное звездное небо. Где-то еще раздавались случайные редкие выстрелы. Но город был охвачен безмолвием.

Противник растерянно молчал.

Напряженно бились тревогой и радостью сердца трудящихся Чугуева, с нетерпением ожидавших избавления от контрреволюции.

Матросы знали, что их победа над чугуевской буржуазией ожидается рабочими и местной беднотой как великий праздник. Это придавало силы бойцам, вселяло в них уверенность в успехе своей борьбы.

Отправляясь на переговоры, Железняков отдавал себе ясный отчет в том, что, независимо от результатов их переговоров, часы сопротивления юнкеров сочтены. Они будут сметены двойным натиском: с фронта и с тыла. В штабе отряда еще днем было известно, что в городе рабочие готовы к восстанию за Советскую власть. Они ждали только сигнала.

Просторное помещение городской думы было набито доотказа. В зале думы собрались местные тузы и чиновники. Появление Железнякова с вооруженными товарищами было встречено могильной тишиной. Сотни испуганных взоров впились в три рослых матросских фигуры, увешанные оружием.

— Так вот какие они, грозные посланцы пролетарской диктатуры! Рядовые матросы в бушлатах и бескозырках!

Железняков с товарищами, как законные хозяева в своем доме, твердой поступью прошли сквозь замершие ряды ошеломленных думцев, поднялись на трибуну и немедленно приступили к делу.

В зале загремел властный голос:

— Мы требуем полного разоружения всех юнкеров и передачи власти в руки трудящихся.

Такой резкий ультиматум вывел чугуевскую буржуазию из вынужденного примирения. Тишина в зале лопнула, раздался рев:

— А-а-а-а! Насильники!

— Долой! Арестовать их!

На улице затрещали выстрелы. Торопливо заговорили пулеметы. И, как бы в ответ на это, за городом начал ухать из орудий матросский бронепоезд.

В зал ввалился отряд вооруженных юнкеров. Железняков кивнул головой товарищам:

— Ко мне, товарищи!

Все трое стали друг к другу.

— Приготовиться!

Проверил рукой наган и гранаты.

Крики в зале нарастали. Железняков сделал шаг вперед и резким жестом поднял вверх сжатый кулак:

— Тише!—гулко раздался его возбужденный голос. —Тише!.. Чего разорались? Прекратите этот дикий тарарам!

Шум в зале начал спадать.

— Прекратите, говорю вам, этот тарарам! Вы слышите, наш бронепоезд уже открыл огонь. Нас расстреляете, но сами отсюда живыми не выйдете. Если немедленно не согласитесь на наши предложения, мы прекращаем переговоры. Нам надоела ваша болтовня!

Железняков глубоко вздохнул и крикнул, насколько было сил:

— Да здравствует власть Советов!

За стенами здания усилилась перестрелка,—это в помощь матросским цепям внутри города выступили рабочие, организованные большевиками.

Буржуазия сдалась. К утру юнкера были полностью разоружены. В здание бывшей думы собирались представители трудящихся, чтобы объявить переход власти в руки совета.

Матросский отряд мог продолжать путь дальше.

Оставив далеко позади себя Белгород, станцию Сажное, Харьков и Чугуев, Железняков, выполняя директиву правительства, вел свой отряд на Дон, к Новочеркасску.

— Если товарищ с «Авроры» один сумел организовать захват Калуги, то почему я с тысячью таких же боевых ребят не могу разгромить и уничтожить осиное гнездо?— говорил Железняков.

Но события в Петрограде разрушили его мечты. Полученное секретное сообщение заставило срочно изменить все планы.

Бронепоезд круто изменил свой курс и спешно направился на север, к сердцу революции—Петрограду.

* * *

Начало 1918 года. Железняков снова у берегов родной Балтики. Приближается 18 (5) января—день открытия Учредительного собрания, избранного еще при правительстве Керенского. Зашевелились притаившиеся темные силы.

Советская власть под угрозой. Военная организация эсеров, вкупе с меньшевиками, кадетами и другой белогвардейской сворой, под предлогом защиты Учредительного собрания готовит контрреволюционный переворот. В день открытия Учредительного собрания кадетами организуется черносотенная демонстрация.

Документы, сохранившиеся в Центральном военно-морском архиве, рассказывают, какую роль сыграли красные моряки в этот грозный для Советской республики момент.

Отряд Железнякова и бронепоезд были вызваны в Петроград для охраны Таврического дворца и борьбы против контрреволюции, поднявшей голову в связи с предстоящим открытием Учредительного собрания.

Буржуазия и ее агенты—меньшевики и эсеры—думали с помощью Учредительного собрания свергнуть Советскую власть. Но увы! Планы контрреволюции были биты. По поручению партии и правительства красногвардейцы и ма-

тросы разогнали буржуазную демонстрацию. Матросы, во главе с Железняковым, были назначены в караул по охране Таврического дворца, где должны были происходить заседания Учредительного собрания.

Зорко наблюдал караул матросов за поведением собравшихся в Таврический дворец (теперь дворец им. Урицкого) представителей буржуазии и их прихлебателей—меньшевиков и эсеров. Кадетско-меньшевистско-эсеровское Учредительное собрание отвергло порядок дня, предложенный большевиками, отказалось обсуждать «Декларацию прав трудящегося и эксплоатируемого народа» и не признало декреты, изданные Советской властью. Этим оно не признало Октябрьской революции и установившейся власти Советов. По предложению В. И. Ленина и товарища Сталина, большевики оставили Учредительное собрание. Для большевиков было ясно, что другого выхода нет и что Учредительное собрание надо разогнать. Для трудящихся масс первое же заседание этого сборища показало его контрреволюционную сущность.

Выполняя волю народа и решение Советской власти, в 4 часа 20 минут утра 19 (6) января 1918 г. Железняков поднялся на трибуну в зале, где происходило заседание, и, обращаясь к собравшимся контрреволюционным депутатам учредилки, категорически потребовал:

— Разойдитесь! Караул устал и хочет спать.

Когда председатель учредилки лидер эсеров Виктор Чернов под звериный рев всех собравшихся попытался возражать, Железняков спокойно ответил:

— Ваша болтовня народу не нужна. Требую подчиниться решению законной власти!

—И эти трусы разбежались,—заявил Железняков в своем выступлении на III Всероссийском съезде Советов 23 (10) января 1918 г., горячо приветствуя съезд от имени революционных моряков и солдат Петрограда.

Конец января 1918 года. Железняков едет на юг по заданию Совнаркома в качестве члена комиссии по борьбе с румынской и бессарабской контрреволюцией. Прибыв на

место, Железняков вскоре назначается командиром Дунайской флотилии. После захвата немцами Украины он помогает Киквидзе формировать боевую дивизию и командует Еланским полком этой дивизии, участвуя в боях с белогвардейцами. Здесь же он встречается со своей боевой подругой—Еленой Винда, с которой не расстается до последнего дня своей жизни.

Командуя Еланским полком, Железняков однажды допустил некоторую резкость по отношению штабных работников и командующего фронтом. Он в резкой форме потребовал дополнительного отпуска походных кухонь. Требование было законное: недавно сформированному полку не хватало кухонь. Но Железнякову отказали, а в его резкой требовательности штабные работники усмотрели партизанщину. Об этом факте из штаба фронта донесли Иуде Троцкому. Притаившийся шпион Троцкий, выступавший против разгона Учредительного собрания, использовал подвернувшийся случай, чтобы рассчитаться с боевым командиром, которого ненавидел всем своим существом. В штаб фронта полетело распоряжение—Железнякова от командования полком отстранить и арестовать. Но это предательское распоряжение врага народа не было выполнено. Железнякова поддержал славный комдив Киквидзе. С его помощью боевой балтиец направляется с группой товарищей на юг.

Под руководством большевиков борьба против немцев и гетманщины к осени 1918 г. принимает широкие размеры. В городах рабочие готовятся к восстанию. В опытных и боевых руководителях ощущается огромная потребность. И вот для этой работы в тыл белогвардейцев и немецких интервентов направляется Железняков с небольшой группой товарищей.

Через рогатки фронтов, с огромным риском для жизни, пробирался он со своими друзьями в тыл врага.

В конце 1918 и в начале 1919 года Железняков под фамилией Викторс ведет подпольную революционную работу в Одессе, занятой белогвардейцами и англо-француз-

скими интервентами, сменившими деморализованных и удравших с Украины австро-германских хищников.

В Одессе Железняков по заданию большевиков ведет пропаганду среди французских матросов, распространяет большевистскую литературу (газету «Ле Коммюнист» и др.), организует подпольный союз моряков торгового флота.

В мае 1919 года победоносная Красная армия освобождает Одессу от интервентов и белогвардейцев. Железняков снова действует открыто. Работы стало еще больше. Он выступает на митингах, собраниях, организует красноармейские части и в то же время работает в качестве председателя союза моряков. В середине мая неутомимый Железняков назначается командиром бронепоезда имени тов. Худякова. Этот бронепоезд входил в состав героической 14-й армии, которой командовал Климент Ефремович Ворошилов.

Через несколько дней Железняков был в городе Николаеве, где рабочие, под его руководством, спешно ремонтировали бронепоезд для отправки на фронт против наступавших банд Деникина.

Все дни проводит Железняков в заводских цехах, проверяя работу по ремонту бронепоезда. Только вечером и ночью занимается вопросами укомплектования и формирования команды. В этом деле ему крепко помогают товарищи и местная партийная организация.

Поздно вечером он оставляет шумные цеха. Шагая по берегу Буга, Железняков спешит к вокзалу, где в вагонах стоит команда бронепоезда. Темная украинская ночь навевает думы о прошедшей и будущей жизни и борьбе. Ночной ветер шаловливо ласкает загорелое лицо. «Эх, сколько еще борьбы и крови впереди»,—думает он.

Совсем недалеко от Николаева в степях гуляют белые шакалы, топчут обедневшие поля, заливают землю кровью, но пройдет немного времени—и жизнь будет прекрасной, расцветет наша родина, и освобожденные люди создадут счастливую и радостную жизнь.

О наших буднях, боевых днях и подвигах дети, внуки и будущие поколения будут песни петь и былины складывать. Поэты, прозаики и историки создадут прекрасную литературу. А пока борьба и борьба...

Ремонт бронепоезда в разгаре. Задержка только из-за одной башни.

«Если бы не эта башня, бронепоезд уже можно было бы считать в основном готовым к выходу на позицию,— думает он.— Котел восстановлен. Пулеметы в порядке. Команда почти полностью укомплектована. Только вот как же быть с конной разведкой? Вагоны уже готовы, и люди есть, а лошадей нет. Хорошо бы иметь при бронепоезде свою конную разведку. В штабе говорят, что-де «лошади сами не придут, добывайте...»

Вспомнил, что еще с утра не был у себя в вагоне. Прислушиваясь к шуму заводских мастерских, прошел к железнодорожному тупику, разыскал знакомый вагон, поднялся. Тишина. Открыл купе. Постель занята. Товарищ спит как убитый.

— Ишь ты, гусь,—улыбнулся Анатолий,—как ловко примостился.

Пламя лампы вздрогнуло от ветра, облило дрожащим светом букет свежих роз на узком столике у завешенного окна и озарило на фотографии облик женского лица.

Перед глазами всплыл любимый образ.

В исключительной взаимной привязанности этих двух, казалось, совершенно разных людей было много непонятного для тех, кто не знал истории жизни Железнякова, не был посвящен в романтическую встречу его с черноглазой спасительницей в тревожный момент жизни. Он— рядовой матрос, имевший в прошлом нужду и лишения. Она—интеллигентка, с детства обеспеченная уютом, заботами, ласками родных. Он едва успел окончить три класса городской школы. Она, высокая, стройная, красивая девушка, окончила гимназию, владеет в совершенстве французским и немецким языками, прекрасно играет на рояле. Он любит борьбу, бурю революции, весь в постоянном стре-

мленин вперед. Она любит его, нежную музыку, каждый раз широко раскрывает красивые глаза, когда видит своего непоседливого друга снова спешащим на фронт. Она помогает ему чем только можно в этой боевой обстановке и сама все больше становится бесстрашным бойцом.

Он приучает ее к фронтовой обстановке, учит меткой стрельбе из нагана, показывает, как надо метать гранаты.

Они вместе пробрались через густую сеть белогвардейских застав. Он увлек ее в тревожную жизнь подпольной работы в тылу у врага.

После экстренного отъезда из Одессы в Николаев для срочного формирования бронепоезда он еще не видел ее.

Пока метался по цехам завода и возился у броневого друга, на время забывал любимые глаза... Но стоило только взглянуть на ее портрет в купе, сердце пьянело. Ее приезда ожидал он с нетерпением. По утрам покупал у мальчишек на улице букеты свежих роз, устилал ими столик вагона, каждую минуту ожидая ее появления.

Осмотревшись в вагоне, Анатолий достал тетрадь и начал писать. Мысли и чувства о жене не могли вместиться на бумаге.

«... Желанная!—четко вывел первое слово письма.—Милая, родная Леля! Каково, не ожидала? На время станься вниманне и выслушай доверчивой души признание. О, моя прелесть! Моя дорогая принцесса сказок страстных, жгучих! Мысли разбегаются, так трудно сосредоточиться. Много хочется написать обо всем и о том, что было за твое отсутствие. Пока буду писать о себе, а рапорт позднее. Никого нет. Только я, и Джим, развалившись на спине, спит на моей постели... Уже час ночи. Горит карбидовая лампочка и отчаянно воняет. Висят и стоят твои портреты в живых розах: красных, белых и чайных (желтоватые), на которые я, поглядывая, набираюсь духа и энергии написать тебе длинное, длинное письмо. Милая детка, я так скучаю о тебе, так тянет к тебе...»

Страстный полет мысли о милой прервал резкий стук в дверь купе. Тетрадь с недописанным письмом лежала на полу. В окно уже врывались первые лучи молодого южного солнца. Розы в стакане казались совсем свежими, только что принесенными из сада. Друг спросонья торопливо протирал глаза:

— Стучат?

— Нет, Джим, это тебе показалось. Бедный Джим, какой невоспитанный народ пошел, не дадут даже спокойно поспать!

Поднял с пола упавшую тетрадь с недописанным письмом.

Кто-то опять настойчиво стучал в дверь купе.

— Войдите!

Ординарец подал пакет. Командир бронепоезда имени Худякова срочно вызывался в штаб Николаевского военного района южного фронта.

— Наконец-то,—облегченно вздохнул Железняков, торопливо расписываясь в тетради ординарца.—Джим, довольно валяться, на фронт!

На григорьевцев!

С каждым днем жизнь становилась тревожнее.

Горит украинская степь. Гуляют горячие июньские ветры по просторам, изрезанным черными окопами, запутанным колючей проволокой, изуродованным страшными рытвинами от снарядов. Вместо мирных конских табунов, столь красочно описанных в литературе прошлого, по нескашиваемым лугам, как сумасшедшие, носятся кавалерийские эскадроны.

Если бы жизнь текла мирной рекой,—уже давно в разгаре была бы страдная пора. Но творится совсем иное. Не слышно песен жнецов, не мелькают грабли загорелых веселых девчат.

Уже второй год гуляет по этим полям война. Бьются на просторах Украины две армии, два мира. Рабочие и

крестьяне Советской республики храбро сражаются с черными полчищами панских польских легионеров, с золотопогонными офицерскими бандами царского генерала Деникина, с грабительскими полками румынских заводчиков и помещиков, с шайками разбойников Махно и Григорьева, отстаивая завоевания, добытые в огне Октябрьской Социалистической революции.

Пожар войны охватил всю страну.

В этом могучем огненном потоке на полях Украины отряд матроса Железнякова, собранный под стальные прикрытия бронепоезда имени Худякова, сражается как грозный мститель, беспощадно громя белогвардейские банды, освобождая от них одну станцию за другой.

Содействуя румынским войскам, нажимавшим на Украину с юго-запада, польским легионерам, захватившим Проскуров, и деникинским дивизиям, прорывавшимся в Донбасс, вновь ожили разбитые под Екатеринославом, Александрией и Знаменкой, под Николаевом и Херсоном григорьевские, махновские и петлюровские банды. В районе Холодного Яра, в Явкине, Заселье формировались их силы, снова готовясь захватить Знаменский железнодорожный узел, угрожая пройтись по всему югу маршем грабежей, насилий, расстрелов и виселиц.

Ждать было некогда. На фронт пришлось выступить экстренно, не закончив ремонта бронепоезда. С одной башней, без конной разведки, с неполным комплектом пулеметов повел Железняков бронепоезд.

Явившись в штаб Николаевского района южного фронта, Железняков заявил решительно:

— Я выступаю на фронт!

— Да, но ваш бронепоезд еще не отремонтирован,—заметили ему.—Вас вызвали только для того, чтобы выяснить, когда, примерно, сможете выступить.

— Ремонт закончу потом!

Железняков хотел скорее ринуться в бой с противником. Он стремился скорее проверить стойкость своей команды.

Пройдя на практике боевую школу, он знал, как много зависит успех борьбы на позиции от сплоченности всей части, обстрелянности ее, отличного знания каждым порученного ему дела. Набирая команду бронепоезда, он старался проверить как можно лучше каждого вновь приходящего, выяснить его прошлое, боевую стойкость, знания, специальность и т. д.

— Кем работал раньше?—спрашивал он новичка.

— Железнодорожником. На прокладке рельс был.

— А что сможешь делать у нас?

— Что придется,—обычно отвечал новичок.

— Ну, все-таки?

— Если придется отступать, смогу разбирать рельсы за поездом.

— Отступать не будем!—сердито перебивал Железняков.—Будем только наступать. Понимаешь?

На минуту задумывался, смотря на смущенного парня испытующим взглядом.

— А с пироксилином не умеешь обращаться? Подрывником можешь быть?

— Не приходилось.

— Научим! Ну, давай документы. Принимаю. Будешь подрывником.

Выяснив, что другой вновь пришедший немного знаком с плотницким делом, Железняков подробно допытывался:

— Если вагон разобьет снарядом, сможешь починить?

— Как же его разобьет, бронированный-то?—улыбался парень.

— Бронированный не разобьет, а у нас ведь целый состав вагонов с боеприпасами и имуществом отряда. В бой не будем таскать все это, но вдруг какой-нибудь снаряд ударит по вагонам. Вот и чинить нужно. А? Если так, то починим?

— Починим.

— Ну, то-то, починим!

Железняков знал, что в образцовой команде бронепоезда должны быть люди, умеющие не только хорошо стрелять и управлять паровозом, но также собирать и разбирать путь, быстро установить стрелку и провести полевой телефон, знать слесарное дело и плотничество. Из прошлого боевого опыта он прекрасно знал, что без крепкого, закаленного, проверенного коллектива даже на такой крепости, как новый бронепоезд, много не навоюешь. Бронепоезд—это только машина, правда, крепкая, важная и нужная, но главное — люди. Они сила, в них залог победы. Так всегда говорил Анатолий тем, кто переоценивал технику, забывая о людях. И он подбирал таких людей.

Хлопоты по подбору квалифицированной команды бронепоезда значительно облегчались популярностью Железнякова. Налицо было хорошее ядро из старых проверенных боевых друзей. Под начальство храброго матроса спешили его прежние сподвижники по славным делам Октябрьской революции и первым фронтам гражданской войны—у Белгорода, под Чугуевом, в дивизии Киквидзе и в отряде дунайских моряков; прибывали товарищи по работе на торговых кораблях Черного моря и бывшие балтийцы; приходили соратники по подпольной работе в белой Одессе и помощники по горячим схваткам с меньшевиками и эсерами в организованном им союзе моряков. Зачисленные в команду немедленно привлекались к делу: одни помогали ремонтировать бронепоезд, другие ходили по городским складам, разыскивали необходимые запасные части, третьи содействовали в подборе новых людей.

Бойцы усиленными темпами изучали пулеметы, орудия, гранаты, железнодорожное дело—все, что необходимо было знать.

Железняков сплачивал их вокруг себя своим личным обаянием и проверенной в многочисленных боях безграничной храбростью. Как к боевому командиру, к нему шли с охотой красные партизаны, рабочие с заводов и шахтеры из опустевших забоев; прибывали балаклавские рыбаки и бедняки с Херсонщины.

Каждый из них в отдельности был по-своему воспитанником революционного шквала; у каждого была своя замечательная биография, героическая дорога и планы на будущее. Вся эта богатая, пестрая людская масса теперь собиралась в его отряд, чтобы в общем могучем потоке по воле большевистской партии и правительства ринуться навстречу врагу и победить.

* * *

Прошло несколько часов с момента разговора в штабе Николаевского района южного фронта, и бронепоезд имени Худякова уже грохотал по рельсам, направляясь к скоплению наибольших сил махновцев и григорьевцев. Стремительно неслась грозная бронированная крепость навстречу врагу. В первое боевое крещение вел Железняков свой поезд и значительную часть команды.

Люди стояли по боевым местам и с нетерпением ждали приближения к цели. Назначенный начальником пулеметов балтиец Казаков тщательно проверял своих подчиненных.

— Все в порядке?

— Все.

Казаков не успокаивался и лично проверял каждый пулемет.

Командир башни, бывший николаевский рыбак Семенов в десятый раз внимательно осматривал орудие, проверял рычаги, винты, прицел. Заметно волнуясь, он с огорчением повторял:

— Эх, кабы в исправности были все башни!

Друзья подзадоривали:

— Со всеми-то башнями что!

— Со всеми мы будем воевать хоть против дивизии!

Железняков сосредоточенно всматривался вперед. В мыслях его прочно застрял тревожный вопрос:

«Как-то новички выдержат боевой экзамен?»

Да, в этот день ему впервые самостоятельно приходилось вести в бой такой бронепоезд. Сколько раз участвовал он в схватках, сколько раз был под губительным огнем! Хорошо знал условия войны в любой обстановке, отлично

ориентировался днем и ночью, умел искусно проводить бойцов сквозь трудно проходимые места. Хорошо знал пулемет и пушку. Но в качестве командира на такой сложной, катающейся по рельсам стальной крепости оказался впервые. Правда, в дни боев под Белгородом, в районе ст. Сажное, под Чугуевом и в других местах на бронепоезде, захваченном под ст. Бологое, он играл большую роль, как работник штаба и боевой командир. Теперь же он—командир всего бронепоезда. За все ложится ответственность прежде всего на него.

Несясь на врага, Анатолий пока лишь теоретически знал, что надо отлично стрелять, выбирать хорошую огневую позицию, уметь маневрировать, чтобы во-время уводить поезд в укрытие. А как это должно быть на деле—не знал и лишь смутно представлял себе.

Убедившись в благополучном состоянии орудий и пулеметов, Железняков приник к переговорной трубке, связывающей командирскую рубку с вагонами:

— Казаков, ну, как у тебя, все в порядке?

— Все в порядке, товарищ командир!

— Ты смотри — «в порядке». А в самый разгар боя вдруг и заест что-нибудь. Замки все проверил? Воды в запасе достаточно? Лент хватит?

— Да все в порядке! Что ты беспокоишься?

«Только бы не подкачать!» — думал Железняков.

... Решительный момент наступил, казалось, как-то сразу, неожиданно. Едва бронепоезд стал приближаться к станции, как вдруг грянул выстрел. Недалеко от поезда, у полотна дороги, вздыбился черный фонтан, разнося тучи осколков, с треском и лязгом осыпая ими стальные борта паровоза и вагонов.

— А, так вот где они,—улыбнулся Железняков, пригибаясь под куполом своего командирского поста.

Торопливо прильнул к трубке, ведущей в башню:

— Орудия к бою! По станции!

Вблизи полотна один за другим взорвались новые снаряды. Стараясь вернее определить сокращающееся расстоя-

ние между бронепоездом и станцией, Железняков пристально впился глазами в даль, напряженно высматривая, где точно расположились вражеские орудия.

— Да, у водокачки... Орудие № 1—огонь!

Полоснуло пламя. Рывок и треск, глухо звякнули буфера.

— Огонь! — раздалось повторно из командирской рубки.

Снова сноп пламени, рывок, треск и звон стали.

Еще рывок, еще треск.

У водокачки один за другим поднялись к небу черные столбы земли.

— Хорошо! Огонь!

Не отрываясь взорами от приближающейся станции, Железняков крикнул к будку машиниста:

— Полный вперед!

Как смерч ворвался бронепоезд на станцию, минуя водокачку, первые постройки, громя и опрокидывая огневые точки растерявшегося врага.

Противник не ожидал такого молниеносного натиска. Бандиты хотя и имели сведения о пребывании Железнякова в Николаеве, но знали, что его бронепоезд находится еще в ремонте, сможет выйти на позицию лишь через несколько дней. Ждали пехотные части красных, кавалерию, бронеавтомобили, но только не бронепоезд. Застигнутые врасплох части противника стремительно рассыпались, оставляя спешно установленные у водокачки орудия, выкаченные на платформу пулеметы, стоявший за зданием станции отряд лошадей и обоз с награбленным добром.

Увлеченный атакой Железняков теперь уже лично отдавал команду пулеметчикам:

— Огонь!

Удирая в панике, бандиты прятались по огородам, по переулкам местечка, падали в канавы, убегали в степь; ожившие в вагонах пулемсты настигали горячим свинцом вражеские цепи, кося и приглаживая их, словно смывая очистительным ливнем паршивую нечисть, запачкавшую измученную грабежами и зверствами землю.

Свободные от преследования противника бойцы бронепоезда ловили разбежавшихся по дворам пристанционного местечка брошенных лошадей.

Железняковцы торжествовали:

— Ну вот, теперь будет и своя конная разведка.

* * *

Восстановив взорванный за станцией железнодорожный путь, наладив снова телефонную связь, оборванную бандитами, и убедившись, что местечко окончательно очищено от них, Железняков рвался дальше.

О дальнейших событиях этого первого боевого похода через несколько дней Железняков коротко сообщал в письме к своей жене:

«... На следующий день мы были в Вознесенске, простояли сутки и тронулись дальше под Елисаветград усмирять григорьевские банды, вздумавшие рвать пути и спускать под откос паровозы»...

За этими скупыми строчками скрывались горячие боевые дни сражений с махновскими и григорьевскими бандами. Не малую роль сыграл поезд железняковцев в общих боях Красной армии на южном фронте.

На всю страну телеграф доносил с полей Украины:

«Знаменский железнодорожный узел очищен от банд. Захвачены видные руководители махновцев и григорьевцев. На всех станциях восстанавливается телефонная связь и исправляются поврежденные железнодорожные пути. На участке Райгород—Каменка Красная армия захватила Жаботино.

В Прилукском уезде банды уничтожены. В районе Таращи преследуемые кавалерией банды бегут в направлении Боярка—Ставище. В районе Городище разбита банда в 300 человек. Занята станция Звенигородка. Железнодорожная линия восстановлена. Занят г. Гайсин, захвачен штаб и канцелярия бандита Волынца и много оружия. Севернее Фундуклеевки убит убегавший от красной разведки командир григорьевской банды Масенко. От банд

Григорьева освобождены районы Новомиргорода, Колосовки и другие».

Разгромленный у Александрии Григорьев спасся бегством в ставку Махно, где и был убит последним якобы за тайные переговоры с Деникиным.

Одна собака уничтожила другую.

Под напором регулярных частей Красной армии и местных советских отрядов многочисленные банды были разбиты.

Красные войска торжествовали победу.

Но главные бои еще предстояли впереди.

Так сражались народные герои

Блестяще сдав боевой экзамен, бронепоезд имени Худякова срочно закончил последний ремонт и в полной готовности вытянулся всем своим составом вдоль платформы станции Николаев.

За гигантской стальной черепахой, прикрывшей под своим бронированным панцырем вагоны и паровоз, вытянулись целью выкрашенные в синий цвет новые вагоны-базы бронепоезда, в которых разместились: походный камбуз, свободная от вахт команда, канцелярия штаба, передвижной склад снарядов, резерв запасных рельс, крепежных железнодорожных материалов, инструментов и прочее. В самом хвосте прицепили вагон, нагруженный лошадьми бронепоездной разведки.

Это был самый богатый бронепоезд из всех бронепоездов, когда-либо имевшихся у Красной армии на фронтах гражданской войны. Все в нем было оборудовано по последнему слову военной техники.

Команда бронепоезда и рабочие Николаевского завода, часть которых вошла в состав команды совместно со своим боевым матросом-командиром, сделали все, чтобы техника была приведена в должный порядок и честно послужила делу защиты пролетарской революции.

Гремел оркестр. Трудящиеся города Николаева провожали Железнякова и его бойцов как старых друзей, с ко-

торыми за короткий срок успели крепко сдружиться, желая им дальнейших успехов в их боевой деятельности.

Увлеченный последними приготовлениями к походу, Железняков не заметил, как явилась жена. Крепко сжав ее в своих сильных объятиях, он долго не мог успокоиться от волнения, горячо целуя и засыпая вопросами:

— Из Одессы? Когда? Вот неожиданно!..

— Тоша, милый, ты жив?—задыхаясь, торопливо спрашивала она.—А я так беспокоилась за тебя.

— Чего же ты боялась, глупенькая? Видишь, жив, здоров, по тебе соскучился! И ты как есть во-время прибыла... Сейчас отправляемся.

— Опять на фронт?

— На фронт, дорогая. Под Екатеринослав! Бить деникинцев! Завтра будем в Кременчуге, в штабе 14-й армии, у Ворошилова... Ты слышишь, Леля, завтра встречаюсь с самим товарищем Ворошиловым!

Через несколько минут поезд тронулся. Звуки оркестра слились со стуком колес и лязгом буферов. Откинув люк над командирским постом, Железняков стоял с высоко поднятой головой, приветливо салютуя провожающим:

— Прощайте, друзья! Прощай, Николаев!

* * *

Железняков прибыл на екатеринославский фронт в самый тяжелый момент, когда здесь, под сильным нажимом офицерских полков дивизии Шкуро и ударных деникинских отрядов, красные части оставляли одну станцию за другой, откатываясь все дальше и дальше на север.

24 июня красные войска оставили Синельниково, 25 июня покинули Белгород. 1 июля «Правда» на всю первую полосу крупным шрифтом писала:

> «За Харьковом пал Екатеринослав. Генерал Деникин, вешатель рабочих, занимает пролетарские центры Украины.
>
> Через Советскую Украину царский генерал и его

казацкие орды проложат себе путь в Советскую Россию.

Пролетариат в опасности! Крестьянство в опасности! К оружию! К работе! К борьбе!»

При захвате Екатеринослава Деникин расстрелял около трех тысяч рабочих. В Харькове на площади имени Розы Люксембург сподвижник Деникина бандит Шкуро на четырех виселицах вешал рабочих и красноармейцев.

Партия большевиков призывает народ и Красную армию дать отпор врагу:

«Злое бешеное животное в генеральском мундире должно быть уничтожено!»

На восточном фронте для Советской республики дела складывались отлично. Под натиском Красной армии разбитый Колчак оставлял город за городом. Как затравленный зверь метался он под ударами стремительно наступавших частей Красной армии с фронта и многочисленных партизанских отрядов с тыла.

2 июня «Правда» шапкой на всю первую полосу пишет:

«Союзники признали Колчака. Колчака мы разбили. Деникин—последняя надежда буржуазии, разбить Деникина—значит кончить войну.

Кто хочет прочного мира—все под ружье! Все на казачьи банды царского генерала!»

Железняков на агитпункте достал № 4 журнала «Жизнь национальностей» со статьей товарища Сталина. Он собрал бойцов и вместе с ними прочитал призыв ближайшего соратника товарища Ленина.

Статья заканчивалась пламенными словами:

«Мы призываем всех верных сынов Советской Украины притти на помощь молодому советскому правительству Украины и облегчить ее славную борьбу с душителями Украины.

Украина освобождается—спешите к ней на помощь!» [1]

---

[1] Сталин. „Статьи и речи об Украине", стр. 69.

Бойцы единодушно решили:

— Отдадим все силы, если нужно—жизнь за нашу Советскую Украину!

Бронепоезд имени Худякова, почти не останавливаясь на станциях, прилетел в Кременчуг—место расположения штаба 14-й армии. В этот же день состоялась встреча Железнякова с командующим 14-й армией товарищем Ворошиловым.

Боевой командарм долго и крепко пожимал руку храброму матросу, горячо приветствуя его и команду с благополучным прибытием.

Железняков был охвачен глубоким волнением от такой теплой встречи, оказанной прославленным командармом.

Ознакомившись подробно с состоянием бронепоезда, настроением и нуждами команды, Климент Ефремович стал расспрашивать Железнякова о прошлогодней истории с отстранением его от командования Еланским полком.

— То, что вы позволили себе в ноябре прошлого года, было недопустимо,—сказал командарм, выслушав балтийца.

Железняков смущенно спросил:

— Как же я должен был поступить, товарищ командарм?

Командующий армией твердой поступью подошел вплотную к матросу, испытующе пристально посмотрел в его красивые честные глаза.

—Почему вы после отстранения от должности комполка срочно не выехали в Москву прямо к Владимиру Ильичу, не обратились к нему за помощью?

Железняков молчал.

— Я вас спрашиваю,—еще резче спросил командарм,— почему вы не обратились сразу же к Владимиру Ильичу Ленину? Почему вы не обратились за защитой к товарищу Сталину?

Преодолев волнение, Железняков, наконец, ответил:

— Я боялся, меня не допустят ни до Ленина, ни до Сталина. Я видел выход только в немедленном получении боевого задания. И я его получил через тов. Киквидзе, уйдя на работу в белогвардейский тыл. Я надеялся, что

Владимир Ильич в конце концов об этом все равно узнает и поможет мне снова стать командиром...

Командарм, дружески обняв расстроенного бойца, успокаивающе тихо проговорил:

— Ну, не волнуйтесь, дорогой. Ведь вам уже известно теперь, как был возмущен Владимир Ильич, когда узнал о наглой расправе с вами. По его распоряжению вы немедленно были восстановлены во всех правах, но... вы уже были далеко в подполье... То, что вы сделали, как революционер, находясь в одесском подполье, тоже известно Владимиру Ильичу и Сталину, и они это очень высоко ценят. Ну, а что касается меня, то я очень рад видеть вас среди бойцов и командиров 14-й армии. Будем вместе бороться!

Слушая, как радостную песню, слова командарма, Железняков готов был броситься к нему на шею и крепко, крепко, долго и горячо целовать его за теплоту встречи, за Сталина, за Ленина, за доверие—за все.

Стройно вытянувшись во-военному, он взял под козырек:

—Жду вашего распоряжения, товарищ командарм.

— Вопрос о вашем назначении уже решен. Вы назначаетесь командиром бригады бронепоездов.

— Есть, товарищ командарм!

Командующий армией подошел к большой географической карте, ловко провел карандашом ломаную линию между синими и красными кружочками:

— Вот район ваших действий: Пятихатка—Верховцево—Екатеринослав.

— В моем распоряжении пока только один бронепоезд,— заметил Железняков.

Командарм улыбнулся.

— Будут. Пока спешите на помощь со своим бронепоездом.

Железняков взял под козырек.

— Разрешите, товарищ командарм, выйти на позицию.

Крепко сжимая сильную руку матроса и всматриваясь

в его горячие, искренние молодые глаза, товарищ Боровиков напутствовал:

— Ну, желаю вам успеха, товарищ Железняков. До скорой встречи! Громите врага беспощадно, как вы громили его до сих пор.

Через час, грохоча колесами и буферами, бронепоезд имени Худякова уже несся на передовые позиции екатеринославского участка фронта.

Одна мысль сверлила голову боевого командира:

«Встретиться с врагом, бить без пощады и уничтожить».

Далеко позади оставались станции. Широким простором расстилалась украинская степь. На небе плыли легкие облака, а вскоре появились и дымки шрапнельных разрывов.

Приближались к позиции.

Железняков наблюдал в бинокль. Впереди шел бой. У дороги, по которой летел бронепоезд, стали рваться снаряды. Противник заметил приближение стального гиганта.

Весть о прибытии на линию огня легендарного героя с Балтики молниеносно облетела фронтовые части Красной армии. Это ободрило бойцов, сдерживающих натиск белогвардейских полчищ.

Напряженно следя за всем из своей боевой рубки, Железняков уже не волновался, как в первом походе на этом же бронепоезде против григорьевских и махновских банд. Он расчетливо, твердо и спокойно взвешивал каждое распоряжение.

— Приготовиться к бою!

Через полминуты так же спокойно передавал в переговорную трубку машинисту:

— Прибавить ходу!

Под обстрелом врага бронепоезд, управляемый Железняковым, искусно маневрировал. Его радовала проверенная в боях сплоченность и закаленность созданного им боевого коллектива, хорошо знающего свое дело, готового вместе с ним броситься в любой бой. Он знал, что с такими людьми, как у него, бронепоезд может делать большие дела.

Вдали чернела роща. Перед ней расстилалось холмистое поле. Железняков мысленно делил это поле на квадраты, прикидывал, какое могло быть расстояние до каждой из намеченных точек. Теперь он в этом отношении имел хороший опыт. Сложная бронированная крепость на колесах была послушной в его руках. После первых боев с григорьевскими и махновскими бандами он еще больше полюбил эту прекрасную машину. Порывистость, внезапность, сокрушающая сила, возможность неожиданно обрушиться на врага, врезаться в его тыл, нанести исключительные поражения—все это как нельзя лучше отвечало натуре самого Железнякова, всегда решительного, смелого, храбро бросающегося на врага с тем, чтобы разбить и уничтожить его.

Миновав свои отступающие части, бронепоезд врезался в передовую линию противника. Железняков видел, как рассыпались по горизонту черные пятна, то скрываясь, то снова появляясь и удирая в панике.

Давно мечтал он о встрече с наседавшим многочисленным и хорошо вооруженным противником.

Ободренные действием прибывшего бронепоезда, отступавшие красные части остановились, затем быстро кинулись навстречу врагу. При взаимодействии с бронепоездом наши части к вечеру этого же дня отогнали противника на несколько километров назад. Красные полки двигались вперед. Через два дня напор офицерских полков был значительно ослаблен.

9 июля телеграф уже разносил весть по всей стране:

«Наши части ведут бои у Верхне-Днепровска и станции Пятихатка».

11 июля телеграф сообщал:

«Продолжаются бои у станции Пятихатка, занятой нашими частями».

12 июля телеграф продолжал сообщения о победе:

«Наши части наступают на Верхне-Днепровск, южнее нами занята станция Верховцево, причем захвачено три паровоза и военное имущество противника».

15 июля:

«Наши продолжают теснить противника, отходящего к Екатеринославу».

17 июля телеграф сообщал:

«Наши прорвались в Екатеринослав».

В этих победах львиная доля принадлежала бронепоезду имени Худякова.

Враг сконцентрировал все свои лучшие силы для того, чтобы сломить напор красных частей. Получив подкрепления, деникинцы 18 июля перешли в контрнаступление южнее и западнее Екатеринослава.

Упорный бой вблизи станции Запорожье длился несколько часов. Но линия фронта не менялась. Попытки красных частей наступать были безрезультатны. Враг больше не отступает. Замаскированные белогвардейские орудия посылают по красным частям один за другим смертоносные снаряды.

Когда над степью опустились сумерки, Железняков собрал моряков своего бронепоезда, объяснил создавшуюся обстановку и изложил свое смелое решение:

— Надо, товарищи, проникнуть в тыл врага, разыскать его батареи. А дальше, мне кажется, товарищи, все понятно, что нужно делать.

Внимательно испытующе посмотрел он на знакомые лица.

— Ну, друзья, кто со мной?

Все выступили вперед как один.

Железняков поднял руку, как бы удерживая товарищей:

— Всем нечего делать. Беру с собой только троих.

... Много тайн могли бы рассказать обильно орошенные кровью украинские степи. Но никогда эти тайны не будут известны. Может быть, только курганы, раскиданные по просторам Приднепровья, могли бы поведать, как вели себя в эту ночь четыре храбрых героя из команды бронепоезда имени Худякова.

... Разведчики вернулись на рассвете. Они ничего не стали рассказывать о своих дерзких похождениях, о том, как хозяйничали в тылу врага. Но об этом красноречиво рассказывали события, пришедшие с восходом солнца.

Утром белогвардейские орудия уже не стреляли. Зато вскоре высоко над окопами красных частей загудел вражеский самолет, разбрасывая листовки за подписью Деникина:

«Каждый, доставивший мне живым или мертвым командира бронепоезда имени Худякова матроса Железнякова, получит в награду 400.000 рублей».

Прочитав листовку, Анатолий улыбнулся:

— Дешево хочешь купить, сволочь!..

* * *

25 июля бронепоезд пришел на станцию Эрастовка, к месту расположения своей базы. Здесь находился склад продовольствия, инструменты, запасные части, необходимое вооружение, боеприпасы и прочее. Здесь же в постоянной тревоге, вместе с остальными свободными от боев больными и ранеными бойцами, находилась и его жена Елена, помогавшая команде в качестве медицинской сестры.

В этот раз бронепоезд прибыл, чтобы в срочном порядке отремонтировать одну из башен, выведенную из строя вражеским снарядом. Это была первая и последняя удача противника. Еще ни разу бронепоезд имени Худякова не «садился на мель», не ходил «в док». Бойцы всегда были в восторге от умелого командования своего любимца. Железняков умел прекрасно маневрировать, во-время уводить бронепоезд под прикрытия и наносить противнику ответные сокрушительные удары.

Несмотря на усталость, бойцы долго веселились, распевая песни под гармонь и соревнуясь в лихих плясках.

Как и всегда, Железняков проводил время вместе с командой, много шутил и смеялся.

Лишь когда опустились сумерки, он пошел прогуляться с женой по берегу небольшого пруда, раскинувшегося за станцией.

Над землей лежала темная, теплая украинская ночь. Вдали над степью горело зарево пожаров, но не было слышно гула орудий.

Засыпанное звездами, как горящими углями, небо напоминало Анатолию фосфорившееся море. Вспомнил о Балтике, о черноморских просторах, о далеком Сухуме, о Кронштадте.

За прудом чернели давно небеленные хаты. Слабый свет костра, горевшего около станции, напоминал горящую головню, забытую кем-то в степи. Где-то далеко лаяли собаки. Казалось, будто никогда здесь не было вблизи ни фронтов, ни крови, ничего, что нарушало бы этот ночной покой.

Железняков делился с любимой подругой планами на будущее. В душе его подымалось огромное, возвышенное чувство, накипало что-то большое и красивое.

— Лелечка, милая, как хорошо жить!

Она удивленно посмотрела на него.

— Что с тобой, Тоша, сегодня? Ты какой-то особенный. Тебе бы не командиром бронепоезда быть, а поэтом.

— Подожди, милая, вот окончим войну, будем и стихи писать. Люблю их! Ты помнишь мое стихотворение, написанное, когда я сидел в тюрьме у Керенского? Я ведь показывал его тебе. Ну, слушай, почитаю.—И он начал со страстью поэта читать стихи.

Окончив читать, Железняков крепко сжал в своих сильных руках нежные пальцы подруги.

— Будет, Лелечка, время и без канонад, без пуль, без гранат и пулеметов. Видишь, как красиво мигает звезда? Как красиво! Вот такой же яркой и красивой представляется мне и цель нашей жизни. Подумай только, дорогая, какой великий будет праздник для нас всех в тот день, когда разгромим последнюю банду белогвардейцев!

Железняков на минуту задумался.

— Но это еще не будет конец борьбы. О, милая, еще много придется побороться, чтобы построить новый мир...

Вернулись к базе поздно ночью. Команда уже вся спала, изнуренная непрерывными горячими боями.

Бронепоезд вытянулся на рельсах черной громадиной. Измученный бессонными ночами, Анатолий через несколько секунд уже спал.

Внезапный стук в дверь вагона разбудил его.

— Телеграмма!

Железняков прочел:

«Противник, сосредоточив огромные силы, перешел в наступление, теснит наши части, отступаем с большими потерями. В рядах красноармейцев беспокойство: куда девался бронепоезд имени Худякова? Где матрос Железняк? Прошу немедленной помощи».

Через час, прорезая предрассветную мглу, бронепоезд снова грохотал по рельсам навстречу врагу.

Утром 26 июля деникинцы, сконцентрировав главные силы, шли напролом. Упорно сражались красные. Но слишком неравные встретились силы. Под напором огромных масс белогвардейцев, зашедших с флангов и навалившихся по фронту, красные бойцы не выдержали и начали отступать. Прибытие бронепоезда имени Худякова уже не могло спасти положение. Стремительным обходным движением противник захватил станцию Верховцево. Бронепоезд оказался в кольце врага. Казалось, что единственным спасением для Железнякова и его товарищей оставалось: бросить бронепоезд и вплавь спасаться через Днепр к своим. Но не для того моряки и рабочие не спали много ночей и с любовью восстанавливали этот сухопутный броненосец, чтобы отдать его теперь обратно!

— Будем прорываться, товарищи! — твердо заявил Железняков.

— Будем прорываться, товарищ Железняков!—дружно ответили бойцы.

Белогвардейские орудия били прямой наводкой по полотну железной дороги. Пулеметы поливали вагоны бронепоезда свинцовым дождем. Противник во что бы то ни стало хотел захватить эту бронированную крепость. Но плохо знал красных героев наглый враг.

Метко били красные артиллеристы из последнего уцелевшего орудия, сметая огневые точки противника. Градом пуль косили врага славные пулеметчики бронепоезда. В три часа дня бронепоезд с боем ворвался на станцию Верховцево, занятую белыми. Можно было немедленно продвигаться дальше к станции Эрастовка, к своим, чтобы вместе отступать на новые позиции. Но Железняков с командой решили сделать все от них зависящее для того, чтобы еще здесь, находясь в исключительно опасных условиях, в тылу у врага, причинить ему наибольший урон и задержать его наступление.

На станции часть людей бронепоезда рассыпалась в цепь и пошла в наступление. Оставшиеся в бронепоезде били по врагу. Дружным напором уже было сбито несколько орудий и пулеметов белых. Наступавшая часть отряда захватила пленных белоказаков и освободила группу красноармейцев, захваченных белыми и уже приговоренных к расстрелу.

Освобожденные пополнили ряды бесстрашного отряда Железнякова.

Бой разгорался.

Положение бронепоезда становилось все более напряженным. В пулеметах кипит вода, боеприпасы на исходе, а белые цепи все больше и больше сжимают кольцо, охватившее бронепоезд.

Легко раненые не отстают от здоровых и дерутся, как львы. Враг несет огромные потери, но его цепи уже подбираются к мертвой зоне, где бронепоезд не может их обстреливать... Казалось, 10—15 минут—и бронепоезд будет в руках белых.

Но в тот момент, когда враг со всеми силами бросился на бронепоезд, он, как ураган, по приказанию Железнякова рванулся вперед, в упор расстреливая белогвардейцев. Пренебрегая опасностью, Железняков высунулся из командирской рубки и из нагана открыл огонь по наседавшим белогвардейцам.

Но эта необдуманная смелость стоила ему жизни. Железняков был тяжело ранен.

Падая, бесстрашный командир отдал последний приказ:

— Броненик не сдавать, товарищи!

Воля умирающего командира была выполнена. Броневик не сдался. Команда его билась до тех пор, пока броненосец не вырвался из кольца белых.

* * *

В течение шести часов упорно боролся со смертью крепкий организм Железнякова. Доставленный глубоко в тыл, герой-богатырь умер на руках у своей любимой боевой подруги и на глазах товарищей, провозгласив с последним вздохом:

— Да здравствует советская социалистическая республика!

Прах героя был доставлен специальным поездом в Москву. Его похоронили на Ваганьковском кладбище, рядом с могилой его ближайшего боевого соратника, легендарного героя гражданской войны товарища Киквидзе.

О гибели Железнякова «Известия ВЦИК» писали:

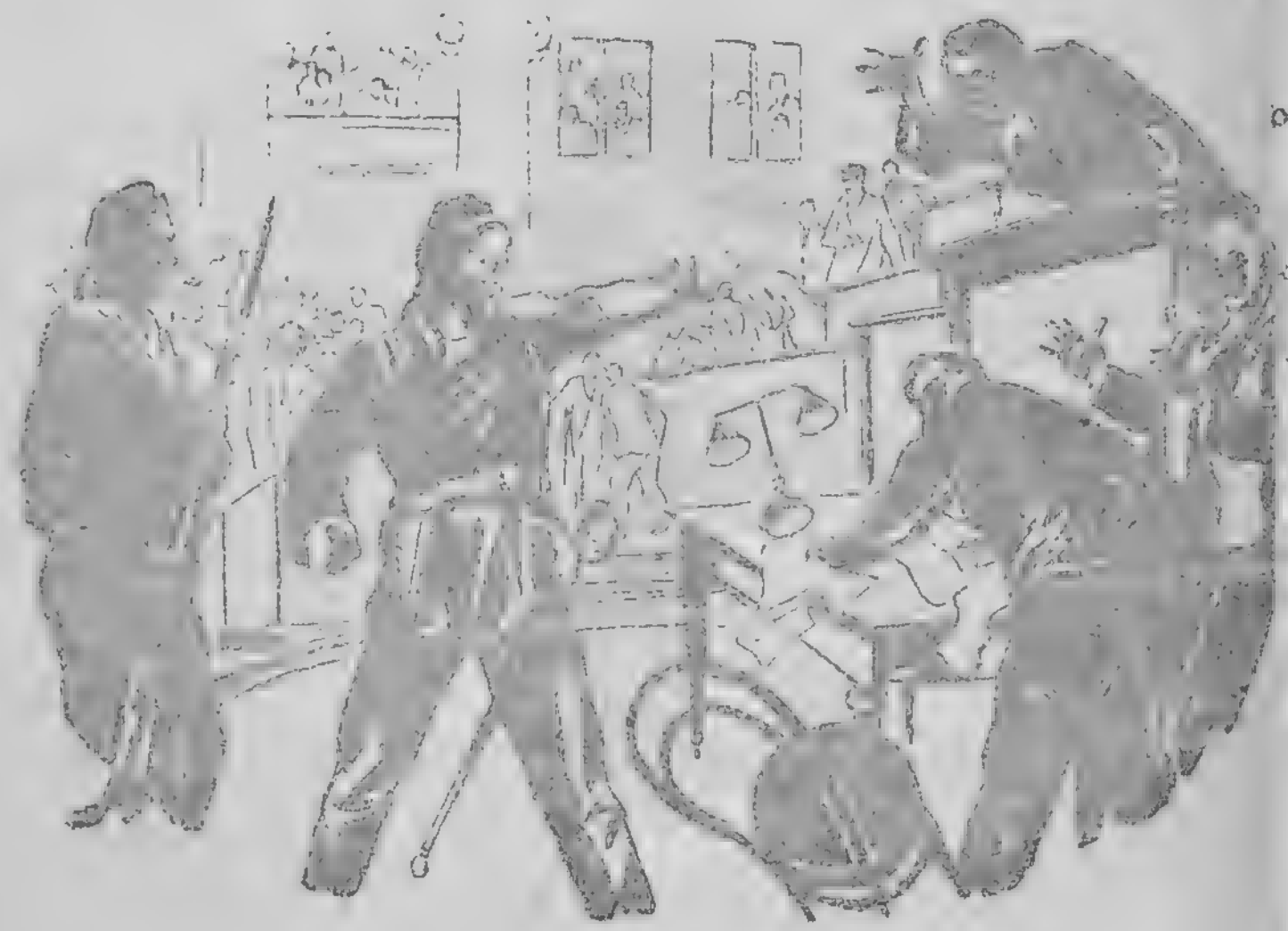
«Пал геройской смертью матрос Железняк, смелый боец, непобедимый всеми врагами заградотряд бело-эсеровской учредилки, бессменный фронтовик гражданской войны».

В статье «Вечная слава», напечатанной в «Правде» 3 августа 1919 г., друзья Железнякова заявляли, выражая «волю» всех красных моряков, красноармейцев и всех трудящихся:

«Мы клянемся, что дело, начатое тобой, доведем до конца и жестоко отомстим за твою честную, молодую жизнь».

Эта клятва выполнена. Дело, за которое боролся и погиб матрос Железняков, победило.

В солнечных степях Украины, по которым носился б
боевым орлом на своем любимом стальном броненосц
выросли новые города и колхозные села, шумят мирн
нивы, и счастливый советский народ поет о матросе Желе
няке песни, как об одном из лучших сынов социалистич
ской родины, имя которого не будет забыто никогда.



Метко
левшего о
пуль косн
часа дня
дево, зан
гаться да
отступать
решили с
здесь, на
у врага, і
наступлен
На ст
и пошла
врагу. Др
и пулемет
пленных
захвачен
Освоб
Железняк
Бой р
Поло
женным.
а белые
гившее б
Легко
львы. Вр
бираются
стрелива
в руках
Но в
бронепое
ршился
небрегая
ской руб
гвардейц

ОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
	3
великого народа	10
овые бои	37
григорьевцев	45
сражались народные герои	

36663

Ф[illegible]альная
Г[illegible]учная
библиотека ГШ ВМФ

Метк
левшего
пуль кос
часа дня
цево, за
гаться да
отступать
решили с
здесь, на
у врага,
наступле
На ст
и пошла
врагу. Д
и пулеме
пленных
захвачен
Осво
Железня
Бой
Поло
женным.
а белые
тившее б
Легк
львы. Вр
бираются
стрелива
в руках
Но в
бронепое
ринулся
небрегая
ской руб
гвардейц

40 коп.